

Чарская, Л. А.
Ч-22 Сестра Марина / Лидия Чарская ; худож. Анна Власова. – М. : ЭНАС-КНИГА, 2024. – 192 с. – (Дорога к счастью).

ISBN 978-5-00198-379-8

Повесть Лидии Алексеевны Чарской «Сестра Марина» – трогательная сентиментальная история о судьбе девушки из обедневшего дворянского рода. Нюта Вербина, оставшись сиротой в отрочестве, попадает сначала в закрытый петербургский пансион, а затем в компаньонки к богатой дальней родственнице. Девушка с детства мечтала о честном труде, о бескорыстном служении людям, и жизнь в золотой клетке для нее невыносима. Нюта решает на побег. Под чужим именем она отправляется искать работу в общине сестер милосердия... Здесь ее ожидает не только самоотверженный труд, но и встреча с судьбой.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)-44

ISBN 978-5-00198-379-8

© А. Власова. Обложка, иллюстрации, 2024
© ООО «ЭНАС-КНИГА», 2024

Глава I

В доме генеральши Махрушиной встают поздно. Даже прислуга позволяет себе некоторую роскошь – подниматься не раньше восьми часов. Поэтому, когда на больших бронзовых, в виде скачущего рыцаря, часах на камине в гостиной пробило шесть, в огромной, роскошно обставленной барской квартире все еще спят крепким сладким утренним сном.

Только в дальней, находящейся в самом конце коридора, комнатке – в «Нютиной келье», как ее называют домашние, – наблюдается некоторая жизнь.

Электрическая лампа под абажуром в углу освещает комнату. Все здесь просто и уютно: небольшой диван, кожаные кресла, круглый столик, этажерка с книгами, узенькое трюмо в углу, за ширмой – умывальник и кровать. На полочках и стенных этажерочках – бюсты великих людей: Пушкина, любимого Нютино поэта, Гете, Шекспира.

Сама Нюта, тоненькая, стройная, невысокого роста девушка, с очень худеньким, бледным лицом, которому мертвенный свет электричества придает несколько болезненный оттенок, с большими детскими, как бы что-то ищущими, пытливыми глазами под нахмуренными линиями темных бровей, с небрежно

– Подними руку... Так... Не бойся, тебе не причинят зла... Видишь холодное маленькое стеклышко? Надо его поставить тебе под мышку. Ты понял? Да?

– Sì, signorina*.

– Называй меня сестрой.

– Sì...

– Тебе худо, да?

Мальчик не ответил и бессильно склонился к Нюте на плечо. Черные кудри упали ему на лоб. Зрачки закатились, обнажив два страшных, синеватых белка...

Термометр выскользнул у него из под руки, упал на пол и разбился.

– Господи! Этого еще не доставало! Руки-крюки! Уж сидели бы дома, если не умеете дела делать. Не лезьте на прием! – крикнула с раздражением подоспевшая Клементьева и, заметив неестественно вытянувшееся на руках Нюты тело маленького итальянца, нахмурилась, схватила его руку, просчитала пульс и, помолчав минуту, коротко приказала встревоженным голосом:

– Позовите служителей с носилками. Ребенка надо отнести в тифозный барак.

Глава VIII

В тот вечер Нюта буквально не чувствовала ног под собой. Усталость давала себя знать. После приема ей пришлось убирать амбулаторную палату, прятать пузырьки, колбочки с лекарствами, мыть инструменты, свивать бинты и скрести щетками пол вместе с двумя такими же «испытываемыми», на обязанности которых, по принятому в общине обычаю, до посвящения их в чин сестер была вся черная работа.

И все время неотлучно стоял перед мысленным взором Нюты маленький итальянец-шарманщик, которого замертво отнесли два служителя на носилках в тифозный барак.

– Ну, что, приняли первое крещение? Несладко, я чаю, на первых-то порах показалось, поди? – спросила ее во время обеда сестра Кононова, и ее грубоватое лицо осветилось необычайно мягкой улыбкой.

* Да, барышня (*итал.*).

– А новенькая-то сестренка у нас, Ольга Павловна, молодец! Ей-Богу же, совсем молодец! – неожиданно обратилась она к сестре-начальнице.

– А кому, Ольга Павловна, счет разбитого градусника представлять? Я слышала, градусник в амбулатории разбили, – любезно улыбаясь глазами и ехидно поджимая губы, обратилась к Шубиной ее помощница, Марья Викторовна.

– Ах, оставьте! Непременно вам нужно кого-нибудь обидеть! – прошептала со сдержанной злостью Кононова и, видя, как Нюта вся вспыхнула от смущения, зардевшись ярким румянцем, зашептала ей тихонько на ушко: – Ничего, сестрица... Проглотите... Не кто иной ведь язвит, как Маришка наша. Все мы ее за ехидство не терпим... Не обращайтесь на нее внимания, сестреночка.

Но не обращать внимания Нюта не могла. Воспитанная, чуткая и впечатлительная от природы, она была глубоко смущена и происшедшим с ней промахом, и замечанием помощницы начальницы.

Предложить же заплатить за градусник из небольшой суммы карманных денег, оставшихся у нее в портмоне, она не решалась. Могло выйти еще более неприятное недоразумение. И волея-неволей Нюта проглотила обиду.

К счастью, разговор за столом вертелся вокруг печального случая минувшей ночи. Говорили о Наташе Есиповой, о ее последних минутах. Она умерла на руках Розочки и Ольги Павловны, ни на минуту в последнюю ночь не покидавших больную. Говорили о желании отца Наташи хоронить дочь самому, помимо принятого обычая отпевать в общине усопших сестер.

– За ней приедут вечером сегодня и увезут от нас нашу милую Наташу, – произнесла Ольга Павловна, и Нюта снова не узнала обычного спокойного и сурового лица ее.

Веки Шубиной были красны от слез, лицо осунулось и за одни сутки постарело по крайней мере лет на десять. Тяжелая продольная складка залегла между темных бровей.

– А «бабушка» наша читает над покойницей... До увоза ее читать будет, – сказал кто-то из сестер.

– Да. И Розочка с ней, и Юматова. Не оставляют бедную Наташу, – произнес еще кто-то за столом.

поминутно шаркающий ногами, и раздаётся последний крик густого, бархатного, певучего баритона «семинариста»:

– На эпидемии увидимся... Я весной махну туда... И спою вам там, спою Тореадора...

Его не слышно, но по лицу понятно, о чем он кричит.

Но вот поезд прибавляет ходу, исчезает знакомая толпа, только Розочка за руку с Джиованни еще бегут некоторое время наравне с вагоном. Еще немного – исчезают и они...

Нюта быстро откидывается в глубь дивана, на минуту закрывает глаза, подавленная горестью разлуки, удерживая с силой закипавшие в них слезы... Когда она открывает их снова, ее взгляд, подернутый необычайной беззаветной преданностью и любовью, встречает любящие, встревоженные глаза мужа.

– Мне было жаль их покидать, Николай... Не сердись, мой милый, за минутную слабость и дай мне руку, – говорит она окрепшим, бодрым, сильным, уверенным голосом. – Дай мне твою руку, и смело вперед, к новому труду, к новой жизни!..

– И к старой, заветной, давнишней цели, моя Нюта! – отзывается молодой врач, сжимая пальцы жены и глядя ей в лицо взглядом, исполненным уверенности в ее и свои, в их общие силы...

А поезд мчит их все дальше и дальше, унося к новым подвигам, жертвам, к новому труду на почве милосердия и любви к страдающему человечеству...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I	3
Глава II	8
Глава III	14
Глава IV	18
Глава V	23
Глава VI	31
Глава VII	41
Глава VIII	46
Глава IX	53
Глава X	58
Глава XI	67
Глава XII	78
Глава XIII	85
Глава XIV	92
Глава XV	99
Глава XVI	104
Глава XVII	111
Глава XVIII	117
Глава XIX	121
Глава XX	127
Глава XXI	133
Глава XXII	141
Глава XXIII	145
Глава XXIV	156
Глава XXV	164
Глава XXVI	169
Глава XXVII	176